

А.Г. Кузнецов

**Кунгурские акты XVII
века**

(1668-1699 г.)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.Г. Кузнецов**
Кунгурские акты XVII века: (1668-1699 г.) / А.Г. Кузнецов – М.: Книга
по Требованию, 2020. – 331 с.

ISBN 978-5-458-12086-9

Редактор А.А. Титов

ISBN 978-5-458-12086-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Издаваемые подъ нашей редакціей Кунгурскіе акты (столбцы) были доставлены въ Археографическую Коммиссію въ 1837 году изъ Кунгурскаго уѣзднаго суда. Свитки эти вкратцѣ описаны бывшимъ сотрудникомъ Коммиссіи П. А. Мулловымъ въ выпускѣ I-мъ «Лѣтописи занятій» ея 1861 г. Настоящая книга издается на средства потомственного почетнаго гражданина Александра Григорьевича Кузнецова, родъ котораго упоминается въ непрерывной послѣдовательности въ «переписныхъ, дозорныхъ и окладныхъ книгахъ г. Кунгура XVII и XVIII столѣтій» *).

Печатая эти документы, считаемъ необходимымъ, обратить вниманіе читателей на ихъ важность, преимущественно съ этнографической стороны. Почти каждый изъ нихъ даетъ намъ любопытныя свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ полудикаго «Кунгурскаго края», населеннаго преимущественно инородцами. Русскіе составляли тамъ незначительное меньшинство; но это меньшинство всевластно управляло большинствомъ чрезъ царскихъ воеводъ, приказный людъ, стрѣльцовъ, рейтаровъ, пушкарей и вообще людей служилыхъ. Столкновенія между ними и татарами, черемисами и прочими туземцами были не-

*) Книги эти изданы на средства того же А. Г. Кузнецова Н. А. Найденовымъ подъ заглавіемъ: Кунгуръ, матеріалы для исторіи города XVII и XVIII столѣтій. Москва. 1886.

избѣжны. Отсюда представляется любопытная картина борьбы тогдашней русской цивилизаціи съ темнымъ азіатскимъ варварствомъ.

Кромѣ указаннаго значенія нашихъ документовъ, они важны и для исторіи. Отсюда намъ становится извѣстнымъ: кто были кунгурскими воеводами, начиная съ 1668 г. и кончая 1699 г., т. е. въ продолженіи слишкомъ 30 лѣтъ, какъ они судили и рядили въ этотъ періодъ времени, начиная съ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, при его сынѣ царѣ Теодорѣ Алексѣевичѣ, а затѣмъ одновременно при двухъ царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ и сестрѣ ихъ великой государынѣ, благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ и т. д., до единодержавія царя Петра. Всѣхъ документовъ въ нашемъ сборникѣ помѣщено 78; изъ нихъ касаются царствованія Алексѣя Михайловича 20 и большее число временъ «двоецарствія»; и почти всѣ являются въ печати въ первый разъ.

Выше замѣчено, что русскій элементъ составлялъ задатки просвѣщенія, но задатокъ слишкомъ слабый. Юстиція добывалась не иначе, какъ путемъ пытокъ, впрочемъ, тогда употребляемыхъ не только въ Азіи, но и въ Европѣ — повсемѣстно. Прослѣдимъ, за что и какимъ образомъ тогда пытали.

Почти на первыхъ же страницахъ нашего изданія является героемъ кунгурскій «запленный мастеръ» Васька Пестовъ *). Онъ самъ служилъ исполнителемъ пра-

*) Въ 1679 году по переписнымъ книгамъ значится: «Да на Кунгурѣ жь: Во дворѣ запленный мастеръ Терешка Наумовъ сынъ Бачгановъ, у него сынъ Филька $\frac{1}{2}$ года, а взять онъ Терешка изъ стрѣльцовъ» (переп. кн. 7187 года).

восудія и, въ то же время, самъ разбойничалъ и грабилъ, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, какимъ-то Петромъ барабанщикомъ; добычу они прятали въ Кунгурѣ подъ башнею. Преступники «биты на козлѣ кнutomъ и *въ проводку*» (стр. 9, документъ № 5). Является вопросъ: что значить выраженіе «въ проводку»? Не составлялъ ли тогда этотъ видъ казни нѣчто подобное позднѣйшему наказанію шпицрутенами, когда виновныхъ «гоняли» или «проводили» чрезъ столько-то тысячъ солдатъ? — И еще вопросъ: считалась ли ужасная должность палача страшно позорною? — Повидимому, нѣтъ. Такъ, напримѣръ, въ 1686 г., кунгурскій «запечный мастеръ» Иванъ Гурьевъ сынъ Чистохинъ явился поручителемъ за кунгурца Якова Герасимова Старикова (стр. 69, № 33). Палачъ здѣсь называется *полнымъ* именемъ, а такое имя, употребленное въ оффиціальныхъ документахъ конца XVII вѣка, составляло своего рода великую честь.

Оскорблялась честь и дѣломъ, и словомъ. За послѣднимъ наши предки, какъ говорится, «въ карманъ не лѣзли» (см. докум. № 48, стр. 112 и слѣд.). Воеводы получали для себя и для казны нѣкую мзду въ подобныхъ случаяхъ, только oprичъ дѣлъ, касавшихся стрѣльцовъ: по указу великихъ государей и по Соборному Уложенію, со стрѣльцовъ пошлины не взыскивались. Стрѣльцы не только-что московскіе, но и кунгурскіе, пользовались особыми преимуществами, когда всѣмъ государствомъ управляла царевна Софія. Имя ея исчезаетъ въ дальнѣйшихъ нашихъ документахъ, но суровая «юстиція», изображаемая кнutomъ, остается во всей своей неумолимой силѣ. Только ради здравія государей-

царей и для «ангела» ихъ сестры, отнюдь не Софіи, а Евдокіи Алексѣевны, смягчается законъ, опредѣлявшій смерть—за смерть. Отрубаютъ не голову, а руку: мучительно, но все же можно жить и безъ руки!—Передаемъ въ краткомъ разсказѣ одинъ изъ любопытнѣйшихъ документовъ (стр. 189—202, № 66).

Нѣкто «гулящій» человекъ Никишка Леонтьевъ жилъ въ Воздвиженской пустынѣ и былъ убитъ, о чемъ и донесъ кунгурскому воеводѣ Дмитрію Бахметьеву крестьянинъ того же монастыря Ивашка Смирной. Начались допросы и пытки. Терзанія испытали мужики и «женки»—свидѣтели и свидѣтельница, въ одинъ голосъ говорившіе, что въ этомъ грѣхѣ виноватъ ни кто иной, какъ крестьянинъ Ѳедька Скалепинъ. Его пытали. Получивъ отъ заплочнаго мастера сперва 18 ударовъ, Ѳедька сказалъ, что онъ зарѣзалъ и бросилъ въ рѣку Никишку Леонтьева, который самъ-де разбойничалъ на Камѣ рѣкѣ. Показаніе убійцы—чрезвычайно любопытный матеріалъ для этнографіи Кунгурскаго края. Изъ этого матеріала, въ связи съ показаніями другихъ лицъ, можно возсоздать, хотя бы въ формѣ историческаго романа, нѣчто ужасное, но въ то же время реально правдивое.—Ѳедьку Скалепина пытали и «вдругорядъ», а затѣмъ онъ былъ «пытанъ втретіе, а съ пытки сказалъ тѣ жъ рѣчи, что и въ первой, и въ другой пыткѣ».—Кунгурскій воевода Дмитрій Ефремовичъ Бахметьевъ опредѣлилъ, по указу великихъ государей и по Уложенію: *«казнить смертію Ѳедьку Скалепина, а жену его съць кнутомъ и освободить на поруки»*. Кромѣ ея, высѣчены были кнутомъ еще четыре лица, прикосновенныя къ этому дѣлу, какъ укрыватели убійства. Совершитель послѣдняго подалъ

челобитную, а въ ней умолялъ царей Іоанна и Петра таково чувствительно: «Бьетъ челомъ сирота вашъ, тюремный сидѣлецъ Ѳедька Скалепинъ. Я, сирота вашъ, приведенъ былъ на Кунгуръ въ приказную избу, былъ пытанъ и съ пытки винился въ убійствѣ гулящаго чело-
вѣка Никитки Леонтьева. И, по вашему великихъ государей указу, велѣно меня сироту казнить смертію... Милосердые великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи! Пожалуйте меня сироту, для ангела государыни благородной царевны и великой княжны Евдокіи Алексѣевны, вмѣсто смерти, дать животь!»—Прощеніе подаво 1-го марта 1692 года, и въ тотъ же день кунгурскій воевода помѣтилъ на челобитной: «Отъ смертной казни освободить, а за его (Ѳедьки Скалепина) воровство отсѣчь ему лѣвую руку», что и учинено 5-го марта: отсѣчена лѣвая рука (стр. 202).

Пытали и казнили въ Кунгурѣ и за другія, сравнительно говоря, ничтожныя вины.—Крестянинъ Костька Затирахинъ былъ въ «застѣнѣ подыманъ», и «въ петли висѣлъ», и «кнутомъ бить», и «огнемъ сжечь» (№ 70, стр. 227—246).

Затѣмъ прослѣдимъ наиболѣе важныя памятники старины, насколько она отразилась въ кунгурскихъ свиткахъ. Полагаемъ, что современный историкъ можетъ воспользоваться этимъ матеріаломъ, разъясняющимъ многія юридическія и бытовыя стороны дореформенной, т. е. до-Петровской Руси.

Замѣчательно, что и тогдашнее русское правительство (въ лицѣ воеводъ) одинаково внимательно относилось какъ къ исконно - русскому люду, такъ и къ инородческимъ племенамъ. Татарщина Кунгурскаго уѣзда призна-

валась вполне равноправною въ дѣлахъ тяжбныхъ и уголовныхъ съ русскимъ населеніемъ. Нѣтъ въ нашихъ документахъ ни малѣйшихъ намековъ на религіозную нетерпимость. Каждый жилъ по своему закону, по своей вѣрѣ. Въ то самое время, когда массы французовъ-реформаторовъ изгонялись изъ своего отечества, вслѣдствіе нарушенія Нантскаго эдикта, массы черемисъ и татаръ, бывшихъ порабитителей нашего отечества, молились невозбранно своему Аллаху и клялись именемъ пророка Магомета. Воеводы не касались религіозныхъ воззрѣній управляемаго ими люда, лишь бы онъ сидѣлъ смирно, да воровскихъ дѣлъ не чинилъ. А таковыхъ дѣлъ было тогда обильно. Сторона была дикая. Грабежи и убійства случались нерѣдко и вызывали суровыя наказанія, чинимыя воеводой, который соединялъ въ себѣ двѣ власти—судебную и административную.

На воеводство въ Кунгуръ посылались иногда лица родовитыя; по крайней мѣрѣ, мы встрѣчаемъ въ числѣ ихъ нѣкоторыя извѣстныя и до сихъ поръ фамиліи: Одинцовы, Толстые, Анненковы и др.; но большинство воеводъ не принадлежало къ старинному дворянству. Отдаленный Кунгуръ едва ли могъ быть соблазнительнъ для родовитыхъ московскихъ людей. Населеніе его было не многолюдно и бѣдно, о чемъ можно судить по подворной описи, составленной около 1685 г. (№ 28, стр. 52 и слѣд.). Тамъ находилось не мало «нищенскихъ домовъ», а также запустѣлыхъ; хозяева ихъ бѣжали въ Сибирь (тамъ же, стр. 57).

Собственно «городъ», т. е. крѣпость, была деревянная. Въ 1680 г., по указу царя Θεодора Алексѣевича, она была исправлена посадскими людьми и уѣздными

крестьянами; при чемъ были передѣланы «стоячимъ острогомъ» нѣкоторыя стѣны и укрѣплены башни, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли собственные названія, напримѣръ, Георгіевская. Починка крѣпости производилась исподволь, безъ особеннаго раззоренія рабочихъ людей, «промежь дѣловою порой». Правительство вняло челобитью мѣстнаго населенія, принесенному чрезъ земскаго старосту, который опасался, что при строгихъ мѣрахъ кунгурцы «въ конецъ раззорятся и врозь разбредутся» (№ 23, стр. 43). Вообще слѣдуетъ замѣтить, что земскіе старосты, вѣдавшіе хозяйственное дѣло, имѣли не малую власть, хотя и были подчинены воеводѣ. Денежные сборы производились, большею частью, чрезъ тѣхъ же земскихъ старостъ.

Сборы эти были очень разнообразны. Такъ, напримѣръ, въ сентябрѣ 1686 г., царями Іоанномъ и Петромъ и царевной Софіей указано, и «бояре приговорили»: съ именитыхъ людей Строгановыхъ и съ гостей, и съ разныхъ «сотенъ» взимать подати въ увеличенномъ размѣрѣ противъ предыдущихъ лѣтъ «ратнымъ людямъ на жалованье». Воеводамъ было не сподручно оттягивать взысканіе податей: за неприсылку ихъ къ указному сроку, деньги «доправлялись» на воеводахъ и на принадлежащихъ имъ «людяхъ» и «крестьянахъ» (№ 31, стр. 64).— Къ обязанностямъ воеводъ относился также надзоръ за «таможеннымъ» и «кабацкимъ головами». Прибыль отъ винной продажи была для государевой казны не малая: болѣе 800 «рублевъ», что для тогдашняго времени составляло изрядный доходъ (№ 40, стр. 103)*. Стрѣльцы

*) Въ 1698 г. доходъ сей увеличился до 3.300 руб. (№ 73, стр. 270).

содержались также на средства городовъ, съ которыхъ взыскивались такъ называемыя «стрѣleckiя рублевыя деньги» (№ 44, стр. 107). О количествѣ такихъ «денегъ» и способѣ ихъ отправки въ Москву имѣются любопытныя подробности: эта государева казна шла въ столицу изъ Кунгура Уфимскимъ и Казанскимъ уѣздами, до Царева-Кокшайска, оттуда до Нижняго Новгорода, Мурома, Владиміра и, наконецъ, поступала, въ Москвѣ, въ Новгородскій Приказъ къ знаменитому думному діаку Емельяну Игнатьевичу Украинцову (№ 72, стр. 269). Пенныя деньги за продажу табаку поступали въ руки не менѣе «знаменитаго звѣря» (по выраженію самого царя Петра) князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго (№ 73, стр. 270); но вскорѣ, именно въ 1698 г., велѣно было торговать табакомъ на Кунгурѣ явно какому-то Мартыну Богданову (тамъ же, стр. 273).

При сборѣ «государевой казны» съ кунгурцевъ, не обходилось, разумѣется, и безъ грѣховъ: такъ, на примѣръ, въ 1698 г. сбѣжалъ съ Кунгура нѣкто Иванъ Шавкуновъ, не заплатя «мірскихъ начетныхъ денегъ» (тамъ же, стр. 272). Похожденія этого казнокрада и убійцы очень любопытны (№ 74, стр. 273 и слѣд.), но мы проходимъ ихъ молчаніемъ, опасаясь, чтобы не выйти изъ границъ назначенной нами для себя работы—обозрѣнія Кунгурскихъ актовъ. Замѣтимъ только, что рядомъ съ документомъ, гдѣ героемъ является упомянутый Шавкуновъ, напечатанъ другой актъ—царская грамота Петра Алексѣевича (уже единодержца), подтверждающая указъ отца его, царя Алексѣя Михайловича, о томъ, чтобы воеводы не вмѣшивались въ распоряженія земскихъ старостъ при сборѣ стрѣleckихъ, оброчныхъ и другихъ денегъ. Во-

обще этотъ документъ свидѣтельствуесть о желаніи молодого царя дать какъ бы нѣкоторый просторъ для тогдашняго земскаго городскаго люда, избавя его отъ воеводской административной опеки. Правда, царь грозитъ земскимъ старостамъ, «судейкамъ» и «цѣловальникамъ»: если они учинять хотя бы малую доимку, то будутъ биты кнутомъ жестоко, и сошлютъ ихъ изъ Кунгура въ Азовъ, съ женами и дѣтьми, а дома ихъ и «животы» будутъ конфискованы («взяты на насъ великаго государя безповоротно»); но всетаки не было худа безъ добра. Власть воеводъ надъ слабымъ зародышемъ городскаго самоуправленія всетаки потерпѣла нѣкоторый уронъ,—и воеводы (по крайней мѣрѣ, на бумагѣ, если не на самомъ дѣлѣ) отнюдь не дерзали «ни во что не вступаться» при выборѣ денежныхъ сборщиковъ, цѣловальниковъ «ходоковъ» и земскихъ старостъ (№ 75, стр. 276—286).

Кто же еще властвовалъ надъ городами въ до-Петровское время? На этотъ вопросъ, соображаясь съ нашими Кунгурскими документами, не трудно отвѣтить. Властвовали, т. е. злоупотребляли физической и отчасти умственной силой, сокрушенные царемъ Петромъ стрѣльцы и, далеко послѣ него, хотя и не вполне, тоже сокрушенные подъячѣе.

Относительно первыхъ (стрѣльцовъ) въ издаваемыхъ здѣсь историческихъ матеріалахъ встрѣчается множество свѣдѣній. Почти каждый «свитокъ» упоминаетъ, такъ или иначе, о стрѣльцахъ *). Онъ почти вездѣ стоитъ

*) Стрѣльцовъ по той же переписной книгѣ 7187 года было на Кунгурѣ и въ деревняхъ стрѣлецкихъ 73 двора, людей въ нихъ, во-

на первомъ планѣ, выдѣляясь изъ народа не особенно привлекательными чертами: стрѣлецъ—воръ, озорникъ, страшный ругатель. Но въ то же время стрѣлецъ представляетъ собою государственную военную силу, съ которою надо считаться,—которая, въ случаѣ военныхъ дѣлъ, можетъ сильно постоять за свою родину вездѣ, а тѣмъ паче въ Кунгурскомъ русско-татарскомъ краѣ, гдѣ инородческое населеніе страшно боится стрѣльца, бьющаго не стрѣлой, а свинцомъ изъ ружья, какимъ-то снадобьемъ—«порохомъ». Дикари не учатся «военнымъ артикуламъ», а стрѣлокъ учится и обучившись, мѣтко бьетъ; при чемъ, конечно, можетъ напрасно пострадать царская казна. А потому весьма основателенъ, по нашему мнѣнію, указъ царя Алексѣя Михайловича (27-го сентября 1675 г.), на имя кунгурскаго воеводы Ивана Поливкина, чтобы молодымъ, только что вступившимъ въ службу стрѣльцамъ (такъ мы понимаемъ слово: «*новоприборный*»), не давалось пороху. «Новоприборные стрѣльцы—люди не ученые» (№ 16, стр. 34 и 35). Несомнѣнно, что уже самъ «тишайшій» царь Алексѣй предугадывалъ зло для Московскаго государства въ существованіи нѣчто похожаго на турецкихъ янычаръ, а потому и заботился, какъ раньше отецъ его, образовать войско изъ «солдатъ» и «пушкарей» повсюду, даже въ отдаленномъ Кунгурѣ. Тамъ, кромѣ стрѣльцовъ, были солдаты, сержанты, капитаны—русскіе уже, а не франгузы-Маржереты, которые подъ-часъ и бѣгали, и воровали, и уводили съ собой своихъ ребяташекъ (№ 3, стр. 4), но все же были вѣрнѣе стрѣль-

торые стрѣлцеую службу служатъ, 88 человекъ, у нихъ дѣтей и братьевъ и племянниковъ 97 человекъ, да у нихъ же 7 человекъ подсосѣдниковъ, да 1 человекъ захребетникъ.